

АНДРЕЙ ШЕВЧЕНКО

Откровение А4

ФИЛЬМ В ВИДЕ КНИГИ

Андрей Шевченко

Откровение А4.

фильм в виде книги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12845759

ISBN 9785447423520

Аннотация

«Откровение А4» печатается в авторской редакции. Книга позиционируется как цветной художественный фильм в виде чёрно-белой книги. Формально это биографический РОМАН, адаптированный для России. Внутренняя самореальность представленного орнамента из кириллицы не имеет ничего общего с фантастичностью человеческой жизни. Все имена и события в тексте не следует понимать буквально, так как данный набор букв выстроен исключительно из соображений визуальной орнаментальности текста. Жизнь – Личный Хаос.

Содержание

Предисловие	5
Поехали!	6
Электронный Почтальон	9
Начало	16
Бэтмэн в Белом	27
Управление Стандартом	34
Знаковый Семён	48
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Откровение А4
фильм в виде книги
Андрей Шевченко

© Андрей Шевченко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Книга «Откровение А4» увидела свет в бумажном виде в 2002 году. Это второе издание книги 2015 года – электронное. Текст печатается в авторской редакции. Книга позиционируется как цветной художественный фильм в виде чёрно-белой книги. Формально это биографический РОМАН адаптированный для России.

Следует учесть что внутренняя самореальность представленного орнамента из кириллицы, не имеет ничего общего с фантастичностью человеческой жизни. Все имена и события в тексте не следует понимать буквально, так как данный набор букв выстроен исключительно из соображений визуальной орнаментальности текста.

Несанкционированное использование текста в любой форме, влечёт за собой несанкционированные меры воздействия.

Жизнь – Личный Хаос.

Поехали!

Посвящается всем не считающим своих детей собственностью.

∞

– Мама, а почему ты делаешь всегда круглые блины, а не квадратные?

– Как?.. Сковородка же круглая... Когда ты вырастешь, сынок, сделаешь квадратную сковородку, если захочешь, и будут у тебя квадратные блины. В жизни всё в твоих силах.

– Ма, а вот эту толстую книжку почитай. Мне сказки большие не нравятся. «Кот в сапогах» неправильная сказка. Там этот кот, взял обманул Людоеда, а потом присвоил его дом. Это неправильно. Даже если Людоед, обманывать всё равно нельзя. И этот младший сын, он сам вообще ничего не делал и не хотел, а ему досталась и принцесса и замок. Это тоже неправильно... Мама обманула трёх медведей, самовольно зашла в их дом, ела и спала... почему она не дождалась их, чтобы разрешения спросить? Они бы точно разрешили. Я знаю... Что за сказки такие? Всё время там звери обманывают друг друга. Чему эти сказки детей научить могут? Интересно, кто это всё сочиняет? Это же такая вербальная вещь...

– Садись, ешь блины, сейчас почитаю... Но эта книга не для маленьких детей.

– Я уже большой, мне уже вот сколько годиков...

– Хорошо, когда я читать буду, ты внимательно слушай, чтобы понял всё.

– А разве можно невнимательно слушать?

– Бывают такие дети, которые невнимательно слушают. Ты у меня не такой.

– Да, я не такой. Я люблю слушать внимательно и в тему врубаться. Поэтому я прошу тебя иногда два раза книгу почитать, чтобы понять всё. А иначе, зачем тогда вообще сказки читать? Если не врубаться, то и незачем читать. Тогда лучше выйти погулять с другими детьми, которые не врубаются.

– Молодец. Не пойму, откуда в тебе всё это? Ну, ладно... Так... ага, вот, слушай:

...Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав оное через Ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие и что он видел...

...Ибо таково благовествование, которое вы слышали от начала, чтобы мы любили друг друга, не так, как Каин, который был от лукавого и убил брата своего. А за что убил его? За то, что дела его были злы, а дела брата его праведны. Не дивитесь, братия мои, если мир ненавидит вас.

Мы знаем, что перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти. Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нём пребывающей...

– Стоп, мама, пока хватит. Я всё понял. Можно я пойду погуляю?

– Иди.

∞

Электронный Почтальон

Нижеизложенный текст был получен мной по e-mail, таков был ответ одного человека на невинную, казалось бы, просьбу рассказать о себе. С ним я познакомился и общался в интернете. Мы говорили про неожиданные для меня понятия и вопросы. Он обсуждал со мной то, о чём люди обычно не говорят между собой. Иногда беседа уходила в некое русло... я никогда не мог бы себе представить, что об этом вообще можно с кем-то говорить вслух или обсуждать это переписываясь.

Многие привычные понятия складываются у людей в зависимости от различных обстоятельств, в которых человек находится в момент своего развития и формирования данного понятия. И естественно, что эти обстоятельства редко бывают схожими у разных людей. Возможно, – никогда. Мы говорили с ним об этом. Странное ощущение: общаясь с ним, мне пришлось заглянуть внутрь себя, туда, куда я не то что не заглядывал, я не подразумевал, что туда вообще можно заглянуть и потом ещё обсуждать это, увиденное и осознанное, с кем-то другим. Однако я это сделал с его подачи. Видимо, чтобы лучше понять человека, с которым он общается, а, возможно, и себя, он спрашивал, например: «Как ты думаешь, какова Истина? К чему всё идет?» или «Что для тебя год, или сентябрь, где он?», «Как выглядит в твоём по-

нимании ноль, он где? А где четырнадцать?», «А где у тебя 1986-й год, относительно 1999-го? Как ты его себе представляешь? А век?» Я не всегда соображал, что могу ответить, не всегда понимал вопрос или то, что он подразумевает. По поводу года, я ответил, что у меня в голове год, как циферблат, но вместо часов месяцы и времена года. Январь на двенадцати, июнь на шести. Если сейчас май, то это место освещено лучше, и я нахожусь там, а все остальные месяцы пока в тени, справа и слева. Когда я говорю тысяча девятьсот девяносто шестой год – это как на бесконечной прямой истории, на которой отмечены года с их событиями, и тот год, который сейчас или о котором я говорю, – он в тот момент освещен, и я его себе именно так представляю. Он писал, что я не первый, кому он задаёт эти вопросы, и его радует, что у меня образное мышление, но бывают такие, у кого вообще нет никаких ассоциаций, связанных с этими понятиями. Когда я высказал, что 1999 год странный, дьявольским чем-то отдаёт если перевернуть, он посоветовал: «А нечего переворачивать что не надо. Ничего же не случилось». Я поделился с ним тем, что у меня часто возникает ощущение, что это всё, весь этот Мир – зря... Он не согласился, сославшись на то, что подобные мысли рано или поздно возникают у любого думающего человека, и у него такое раньше тоже было. Но, писал он, стоит встретиться с одним человеком, который ко всему относится особенно – через призму своей философии, тогда сам начинаешь видеть, что Мир не так уж

плох и всё не зря... Или после фильма хорошего, то же ощущение... Он писал, что у нас много общего, как он думает. У меня вообще не было такого ощущения, да – он интересен, да – имеет свою позицию, но общего у нас я ничего не видел. Особенно после последнего письма. Следует уточнить, что если говорить: «Мной был получен этот текст по e-mail», то это будет не совсем правильно. Мне доставила это письмо сама Электронная почта, в буквальном смысле.

Когда в очередной раз, а делаю я это достаточно регулярно, два-три раза в день, я кликнул клавишу приёма почты, то первые три письма пришли, как им положено, – быстро. Но четвёртое письмо загружалось очень долго, мне пришлось ждать, это быстро надоело, и я собирался уже сделать отмену, но в этот момент раздался звонок в дверь. Я пошел открывать. Подняв трубку видеодомофона, я увидел, что возле двери стоит и преданно смотрит в камеру невысокая худенькая девушка, похожая скорее на ребёнка. Она была с толстой сумкой на ремне, через плечо. С цифрой пять на медной бляшке, висевшей на груди. В белой форменной фуражке, с эмблемой, содержащей надпись «e-mail». У меня возник естественный вопрос:

– Я вас жду? – спросил я в трубку.

– В общем да, вы именно меня сейчас ждёте, вы хотели отмену сделать, но я всё-таки успела. Пробки, и лифт у вас не работает... – с искусственно ободренным энтузиазмом в голосе протараторила она. Так обращаются к нам на ули-

це рекламные агенты, которые не любят свою работу, а значит автоматически и того, к кому они вынуждены обращаться по долгу службы. А лифта кстати в моём подъезде нет, и у меня второй этаж. Да и как она вообще в подъезд попала? Внизу охрана!

– Вы кто? – позволил я себе засомневаться.

– Это он, это он, Электронный почтальон! – с выражением продекламировала девушка слышанные мной ранее слова, но с неким новым смыслом, суть которого я уловил позже.

Я открыл дверь, она, следуя инструкции, вдолбленной в голову менеджером-карнегианцем, глупо, натянуто улыбалась.

– Вам электронное письмо. Получите, распишитесь, – с фальшивой радостью сообщила она, протягивая мне большой белый конверт форматом А4, в котором находилась толстая пачка бумаги. На нём красовалась надпись:

Кому: a_shev@e-mail.ru

Тема: ответ о себе, типа откровение.

От кого: сам_знаешь@электронная_почта.ру

– От кого письмо? – не понял я.

– Там же написано: «Сам знаешь от кого». Вы что, читать не умеете, дядя? – Похоже, я её начал доставать, и она перестала быть корректной.

– А откуда у вас мой адрес домашний?

– А при чём тут адрес? Ты чё, дядя? Это электронное письмо, тут адрес ни при чём. Ты пароль набираешь, и письмо доставляется, – она уже говорила со мной, как с полным идиотом, в открытую. – Расписывайся давай скорее, и я отключусь уже! Достал! – повысила она голос.

Я бы мог это расценить как наезд, если бы она не была так юна и невысока.

Я поставил закорючку в виде креста на чистом, разливном вручную клочке бумаги и стал разглядывать конверт. Это же формальность – расписываться... Но если письмо электронное и провайдер мой пароль знает, при чём тут подпись?..

– А-а, собственно, при чём тут... – начал спрашивать я почтальона и осёкся. Её уже не было. Исчезла... или просто тихо ушла.

Вернувшись с письмом к компьютеру, я обратил внимание на то, что программа сообщала мне об успешно выполненной операции приёма писем. Я открыл последнее, четвертое письмо, с которым у меня была задержка. Оно оказалось пустым. Посмотрев на отправителя, я увидел ещё раз надпись:

Кому: a_shev@e-mail.ru

Тема: ответ о себе, типа откровение.

От кого: сам_знаешь@электронная_почта.ру

Белый вакуум в графе программы, где обычно располагается текст послания, был какой-то особенный... особенно выбеленный... Есть получатель: мой e-mail, есть тема и адрес отправителя, но нет самого письма. Его не было в компьютере, там, где оно должно быть, но, вопреки здравому смыслу, в данный момент это письмо я держал в руках... Оно пришло... «Письмо пришло», промелькнула Мысль... Оно было и в то же время его не было там, где оно должно было быть. Так не бывает... По спине, в два приёма, на манер приливной волны, пробежало стадо насекомых – сверху вниз и обратно... за долю секунды они успели устроить себе полноценную жизнь... По пути обратно несколько микроскопических мурашек превратились в больших кубинских тараканов с не характерной для них яркой, играющей колером расцветкой, которые, используя шею в качестве моста, заползли мне в голову. Так там и остались... Большие и цветные в крапинку... Теперь мне стало ясно, откуда берутся тараканы в голове, и путь, которым они туда попадают. И, хочу сказать, я понял, что на самом деле – это кайф. Раньше я некоторых вещей не догонял, а теперь чувствую: я своим умом проник во все дыры. У меня возникло ощущение, что сейчас я узнаю то, в чём не хотел себе признаваться.

И меня вот ещё на какую думку прошибает, я так и не понял до сих пор, он это письмо написал здесь или уже там. Если здесь, то как он знал всё это? А если там, то как это

сюда попало? И кто всё это распечатал и в конверт положил? И вообще, а был ли мальчик-то?.. или, вернее, девочка эта – Электронный почтальон... была ли она? Хотя... почему нет? Тараканы же остались.

Вот это письмо:

Начало

>> Я был первым и единственным ребёнком в семье, моя мама, долго не парилась и, руководствуясь увиденной буквой во сне, дала мне имя. Папа, по его словам, сказал: «Твой ребёнок – называй, как хочешь», шутил он так. Детство было обычным для своего времени, хотя откуда я знаю, какое детство обычное, а какое нет. Мне своё не с чем сравнить – оно одно.

Мама дала мне всё это – Мир и имя. И огромное ей отдельное спасибо за то, что она никогда не грузила меня своей моралью и философией. Самое значимое, данное отцом, была не только фамилия. Он с малых моих лет давал своё ощущение мира, свою философию, он тоже не грузил меня ею, и огромное ему спасибо за это. Папа дал понять, что мораль можно иметь свою собственную. Возможно, основанную на общепринятой морали, а возможно – на основании своих собственных выводов, к которым мы приходим после увиденного вокруг, и так в течение всей своей жизни. Всё сводилось к тому, что «...можно хотеть что-то делать и делать это. Иногда можно хотеть и делать, а иногда нужно считаться с окружающей средой, и вообще, иногда делаешь не то, что хочешь, по разным причинам. Самое главное – стараться жить так, чтобы ты всегда мог делать то, что хочешь». Например, я – ребёнок, бегаю в метро и ору – ребёнок же.

Подходит такая ущербная, пожилая пассажирка, такого питерско-интеллигентского вида. Ей, видимо, больше милиционера надо, который стоит рядом и ковыряет в носу средним пальцем.

– Почему ты кричишь, не кричи, – сказала мне закомплексованная старушка, поведив кривым пальцем у моего лица. Подходит папа, наклоняется ко мне:

– Скажи бабушке – хочу ору, хочу не ору, у меня есть желание такое, – сказал он с таким расчётом, чтобы и она, и милиционер слышали. Они не поняли. Главное, что я всё понимал – отец доступно объяснял.

Или вот ещё. Гуляем по Чистым прудам, на аллее стоит осиротевший ларёк, исполненный в виде сказочного домика. Закрыт. Всегда закрыт, наверное, забыли про него или хозяйина убили, но ларёк не убирают – вписывается. Я спрашиваю папу: «А почему домик закрыли?» – Папа: «Ну, те, чей домик, подумали – наш домик, хотим – закроем, хотим—откроем. И закрыли. Хотят так».

Мне три года, а всё понятно. Хотят так. Яркие детские воспоминания... Самое банальное, что я помню, он водил меня паровозики смотреть на вокзал и в зоопарк с его запертыми животными. Это сейчас что-то кажется банальным, но тогда интересно было. Причём это я только сейчас понимаю.

Отец всегда вопросы ставил так, чтобы я выбор делал, между тем-то и тем-то. Он говорил: «Если есть выбор – де-

лай его. Даже если тебе не важно персиковый сок или абрикосовый, когда ты просто пить хочешь. Выбери персиковый, например. Даже если не важно тебе – сам выбери».

Я рос и имел возможность свободного выбора, и наблюдать, и ощущать не диктатуру со стороны родителей, и возможность развиваться самому, и впитывать то новое-новое, что не способны понять взрослые, которые уже другое поколение, в силу тех простых причин, что выросли они и сформировались в другое время. И потом я понял, как ужасно все вокруг испорчено сгнившей моралью, вдолбленной им родителями в детстве, которую им, в свою очередь, вдолбили их родители.

Ещё я странно, по мнению мамы, относился к воде и газу. Я всё выключал. Мама говорила: «Что это ты всё экономишь, экономный ты наш». А папа фишку просёк и говорил, что «это наш сын не экономит, а сохраняет природные ресурсы. Значит, у него глобальное мировоззрение и внешняя психология». Он всё правильно говорил, я всё выключал не потому, что денег жалко, а потому, что воду пресную жалко было и газ. Как-то мою глобальность папа уж очень одобрял. Ему также очень нравились мои желания. Он приводил простой пример. Если детей спросить про их желания или чего они хотят, то можно услышать, что они хотят конфет или велосипед, то есть что-то конкретное и материальное. А я на этот вопрос отвечал всегда разное и абстрактное. Например:

«В радугу попасть и чтоб все дети жили счастливо, и чтоб

никому холодно не было никогда, и чтоб никому больно не было». По его мнению, это говорило о моём творческом мышлении и глобальном масштабе. Я часто видел его реакцию на разные события – он спрашивал себя: «Куда всё движется?». «Спасать надо этот Мир», – говорил он мне. Отец часто извинялся за весь Мир: «Видишь, сынок, как всё вокруг небезупречно. Ты уж извини». Он всё на себя проецировал, все мировые проблемы. Я его прощал всегда. Ещё я тогда думал: почему это люди вообще дерутся и бьют друг друга. Драка из-за чего? Люди ссорятся из-за слов или поступков. Но поведением человека руководит его мозг. А почему бьют в челюсть? или по ноге? Виноваты Мысли и Поступки... Правильное выражение: За слова надо отвечать. Отвечать – значит, сесть напротив друг друга и поговорить, выяснить при помощи слов, кто в чём неправ. Но это выражение потом извратили, они считали, что отвечать – значит, быть побитым или убитым. Неправильно это.

Ещё большое и загадочное впечатление производил неизведанный и манящий к себе отцовский письменный стол со своими взрослыми штучками. В моей жизни отец был лет до двенадцати, он всегда хотел уехать, уплыть, убежать от всего. Появилась возможность, он улетел на какие-то острова посреди океана, чтоб его никто не трогал. Я сказал «появилась возможность» потому, что он уехал сразу, когда услышал от меня вывод, который я сделал после чего-то увиденного, в двенадцать лет: «Папа, а жизнь, оказывается, го-

раздо более сложная штука, чем я думал в детстве», — он понял, что я вырос, и улетел. Он присылал с почтой чеки, с достаточным количеством нулей, чтобы мама и я могли себе позволить никогда не думать о зарабатывании и о работе ради возможности себя обеспечить. Всё материальное, что у меня осталось от него, — это пожелтевшие от времени, обычные листочки бумаги, размером 21 на 29,7 сантиметра, их там было штук десять, в черной потёртой кожаной папке, с двумя белыми ленточками, скреплёнными сургучом. Я храню её. Папа сказал, что эта бумага для особого случая, это не написанная и не прочтённая никем книга. Загадочно он это сказал, хотя сам не любил загадок. Об этом сургуче на ленточках я надолго забыл.

Потом я рос, в основном руководствуясь своими сложившимися понятиями относительно того, что происходило вокруг. Приходилось иногда ходить в школу. Именно приходилось, потому что, когда я туда пришёл в первый раз, я понял, что я это всё уже знаю, всю программу и даже больше. Я как-то особенно и не грузился, откуда всё знаю. Ходил в школу, когда дома было скучно. Мама удивилась, что мне учиться не надо, а папа воспринял как должное. Просто знаю, что надо, — и всё. Дышать нас тоже не учит никто. Наверное, папа больше бы удивился, если бы мне пришлось учиться по-настоящему. Потом уже я научился делать так: когда я чувствовал, что мне надо или пора что-то знать, я это понимал как-то сам... или оно само понималось... Наверное, в воз-

духе летает что-то такое. С иностранными языками то же самое. Они в голове появлялись и всё. Но некоторые вещи сами не понимались, и я не понимал также, от чего это зависит, но это меня никогда особо не напрягало. Иметь судьбу вундеркинда не хотелось. Публичности не хотелось тоже. Хотелось кайфовать по жизни – это получалось хорошо. Папа говорил, что желание людьми публичности – это от комплексов. Основной из них – это кому-то что-то доказать, что вроде как ты особенный или лучше других. Это, он говорил, в людях от недолюбви.

Вот что осталось после моей обычной школы через дорогу: в ней много детей, которым, для того чтобы что-то знать, учиться надо. Самые яркие воспоминания о школе... или так... не о школе, а... Самые яркие воспоминания, бывшие в период непериодичного посещения школы:

- а) А – имя, первая буква, фамилия Четыре – в конце журнала; б) буквы читают, а цифры считают;
- в) вне школы можно читать то, что интересно;
- г) говорят, что чистая бумага – белая, но это неправда; д) доверять можно не всем;
- е) если живёшь напротив школы – это очень удобно;
- ё) буква «ё» стоит особняком в языке, её не очень учитывают, а зря;
- ж) «ж» – похоже на жука, ещё я числился в классе «ж»;
- з) знайте, что учителя женщины иногда тоже рожают детей;

и) имя и фамилия – это такой стандартный белый лист, принятый во всём мире;

й) «и» бывает краткое;

к) квадратные глаза первой учительницы (я не предполагал раньше, что так бывает... я, наивный, думал, что глаза бывают только миндалевидные, круглые, узкие, широкие, добрые и тому подобное. Но она мне показала квадратные! Спасибо ей за это), которая совмещала просветительство с постом директора школы, чем очень гордилась. Её реакция:

к-1) НА ПЕРВОМ УРОКЕ В ПЕРВОМ КЛАССЕ НА ПОВТОРЕННУЮ МНОЙ

ФРАЗУ из фильма: «Народ для разврата собрался»;

к-2) на последнем уроке в тот же день я задал ей вопрос Остапа: «Почём опиум для народа?»;

к-3) на моё высказывание на предложение дежурить и убирать в классе: «Я здесь для того, чтобы мне дома скучно не было, а не для того, чтобы получать ваши сомнительные знания, и уж конечно же не для того, чтобы учиться подметать»;

л) люди бывают неправы и не признают этого;

м) можно влиять на ход событий;

н) на самом деле можно что-то знать потому, что ты знаешь это – и всё, а не потому, что кто-то сказал тебе это;

о) ощущение коллектива толпой, которой можно манипулировать;

- п) первоклассника можно принять в «октябрюта»;
- р) разработали и составили школьную программу идиоты,
- с) сообщая вам, что некоторые идиоты бывают учителями,
- т) так что ничто человеческое им не чуждо,
- у) «учат в школе, учат в школе, учат в школе...» – глупая песня, некоторым вещам не учат в школе,
- ф) «ф» – редкая буква. Фильм, который смотрит внутренний зритель, – это жизнь;
- х) хорошо, что мысли, изложенные на бумаге, становятся материальными;
- ц) центральной день недели – воскресенье, его нет в дневнике, но оно есть;
- ч) чувство несправедливости во время первого урока рисования. За красный флажок – полученная четвёрка, хотя желание рисовать и ощущение умения делать это было всегда. С тех пор я красные флаги терпеть не могу;
- ш) школа средняя;
- щ) «щ» – редкая буква, но менее, чем «ф». Есть такое слово
- «шас» или «шаз» – мы так говорим... но писать следует «сейчас» – я это игнорирую, я вообще много чего игнорирую;
- ь) люди мягко врут;
- ъ) с людьми приходится твёрдо общаться;
- ы) на эту букву в русском языке нет слова, но это испра-

ВИМО;

э) э... э... значит так... в школе, учителя говорили, что повторение – мать учения, я не понимал сначала, о чём это они, а потом понял, что нужно воспринимать некоторые вещи буквально. И я понял, что Повторение – это такая женщина и её так зовут, и она мама девочки такой, у которой имя – Учение... и всё! И как потом стало известно, я, в принципе, оказался прав тогда;

ю) юность и молодость – это недостаток, который со временем проходит;

я) «я» – внутренний зритель; «я» – эго; «я» – это Я, Я – А Четыре. В алфавите 32 буквы, а зря...

Потом я узнал, что такие пункты – это поток сознания.

К сожалению, в алфавите, который мы сейчас используем, всего тридцать две буквы. Если бы их было больше, то я, пожалуй, добавил бы ещё один пунктик. Обозначу его, как делают это склонные к ограниченности в фантазии придумщики названий всевозможных фирм, своеобразно использующие математический знак для усиления имеющегося смысла слова:

я+) в детстве и отрочестве волосы (почти всегда, у большинства людей) длиннее, и причёске уделяется больше внимания, нежели потом, когда человек становится взрослым. Вероятно это оттого, что маленькие и молодые индивидуумы пытаются как-то выразиться за счёт своей внешности, потом, став разумнее и рассудительнее, к ним приходит понимание,

что всё это ни к чему, и не стоит тратить на это своё время. Потом они продолжают выражать себя внешне, но уже не за счёт длины и нереального цвета волос, а за счёт одевания, прикидывания и преподнесения себя, с некой другой, индивидуальной стороны...

В общем хватит про детство...

На начальном периоде жизни единомышленники попадались редко, а точнее – их не было вообще. Может, потому, что я сам не знал чего хочу. Тем приятнее было осознавать, что жизнь, возможно, преподнесёт интересных людей и обстоятельств – где-то они есть, но я их пока не встречал. И, возможно, эти интересные скажут что-то такое, чего я сам не пойму никогда.

∞

– Мама, почитай мне книжку, пожалуйста.

– ...В начале было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через него начало быть, и без него ничего не начало быть. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков; И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришёл для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали через него. Он не был Свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете... – пробежав глазами по тексту, женищина наугад пропустила несколько абзацев. Это была игра – открывать и читать книгу, без определённого кем то порядка, – ...Бла-

эжен читающий и слушающий слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нём; ибо время близко...

...Се, грядёт с облаками, и узрит его всякое око, и те, которые пронзили Его; и возрыдают перед Ним все племена земные...

...И видел я в деснице у сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями. И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати её? И никто не мог, ни на небе ни на земле, ни под землёю, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в неё...

– Стоп! Хватит, – перебил читающую мальчик. Она не обиделась – это тоже игра, право сына останавливать чтение.

Бэтмэн в Белом

Очередной революционный, условно бархатный, период страны прошёл одновременно с моим школьно-одиннадцатилетним периодом жизни. Никогда больше не повторится чувство: стою на перепутье – передо мной все дороги открыты. Выбор был сделан, и он такой, какой есть. Удачно вписавшись во все происходящее, я решил пойти по дизайнерско-бумаго-полиграфическому пути, благо лёгкое поступление и иногда-посещение полиграфического института способствовало этому. Были и другие попытки ходить куда-то, но потом всё само понималось и вузы оставлялись в покое. Слушая лекторов и профессоров, я всегда ловил себя на том, что я не способен понять то, что кто-то может тратить свою жизнь на то, чтобы учить... С другой стороны, кто-то должен это делать, всё уравновешено... но кем? Когда профессор финансовой или налоговой академии учит студентов банковскому или кредитному делу, и выпускники, научившись у него, через полгода ворочают миллионами, я хочу у профессора спросить: «Что ж ты такой умный, сидишь и ставишь оценки в зачётной? Иди, поднимай лавэ для себя. Раз такой умный, не сиди на зарплате. Не трать свою жизнь на обучение этому других. Если ты такой умный, почему ходишь пешком и где твой остров на карте?» Новое поколение другое, они учатся сначала в банковской системе, потом

в налоговой, потом понимают что к чему, и кидают государства, устраивая им дефолт. А того самого Киндер-Сюрприза именно они посадили в премьерское кресло, специально для того, чтобы он сделал это объявление про наступивший полный дефолт. Но он лично такой откат за это поимел реальный, что за такую сумму я бы тоже не только дефолт объявил, я бы вообще Родину продал, если бы она у меня была. Поработают так месяцев восемь эти ребята, а потом они и их будущие правнуки обеспечены на всю оставшуюся жизнь. Во всех этих обучающих заведениях лично мне ничего такого, чего бы я сам не понял, не смогли дать. Первые два года студенческой жизни, впрочем, как и остальные, были никакими. Я заходил в эти институты, и мне сразу всё становилось понятно. Всё банально. Романтика студенческой жизни надумана, коллективизм – атавизм общества. Мне важнее оставаться наедине со своими мыслями, чем обсуждать ничего не значащие темы с ровесниками. Каждый, я не исключение, считает себя исключительным, способным на нечто необычное и волшебное. Взрослея, мы заново, каждый для себя, понимаем то, что понято другими давно и забыто. Но для меня исключительность и загадочность бытия заключается в другом, – не в том, что поняли и забыли другие.

Так я жил, и в моей жизни произошел интересный случай. Именно он и расставил все точки над «ё» и по своим полкам. Кстати, до сих пор не понимаю этого игнорирования

двух сиротливых точек. Печатные издания пошли по не безупречно верному пути. И почему это, собственно, в языке, на котором говорят в этой стране, используется образное выражение «Расставить точки над „і“?» На вольной Украине я понимаю, там есть такая буква. И в любом другом языке, где есть такая буква, я могу понять тоже. Но в русском?.. Не нужно расставлять несуществующие точки, над несуществующей же в нашем алфавите букве. Лучше уж взять все некорректные издания, игнорировавшие ни в чём не провинившуюся букву «ё», и заставить их в ручную расставить все точки. И будет справедливо, если это сделают те, кто игнорировал «ё», когда редактировал и печатал текст. И, возможно, именно тогда и будут расставлены все те точки, о которых так долго и упорно говорит народонаселение этой страны. Может, именно потому бардак кругом, что те, от кого это зависит, точек не ставили, где надо, а ставили там, где не надо, и над теми буквами, которых нет в алфавите. Меня лично этот вопрос очень тревожит...

Я просто гулять по улице не люблю, не прикалывает. Лучше уж сидеть дома и плевать в потолок или телевизор смотреть – это прикалывает. Тут вдруг потянуло на роликах вокруг дома покататься. Не знаю почему... Катаюсь себе, и захал в район Чистых прудов, там дороги нормальные, и поворотов неопределённых больше. Мне казалось, я всё вокруг видел и знаю, но тут забор увиденный и странный поразил моё воображение. Видно, недавно поставили. И здание

за ним странноватым показалось тоже. Архитектура неприязнительная – кубизм... Оно было исполнено в форме огромного куба из стекла и бетона. Мимо таких обычно проходишь, не замечая, а если обратишь внимание, так на полчаса, наверное. Стоишь и думаешь: в чём здесь креатив? Я стою долго, впитываю, врубаюсь, что к чему. Уж очень понравилось мне неожиданное визуальное решение ограды. Смотрю, мимо машина «Скорой помощи» едет. Я успел зацепиться за неё и мы поехали вдоль ограды, так не скоро, поворачивая... Из окна высунулся санитар с пистолетом и пальцем пригрозил, мол: «Не надо этого делать». Я всё понял и отцепился. «Скорая» подкатила к изящным кованым воротам, они бесшумно открылись. А главное, что «Скорая» – микроавтобус мерседес, такая машина, с двумя мигалками-звёздами, расположившимися на широкой, квадратно-лысой голове, имеющей свиноподобную морду, такие не так давно у нас появились. Однако же сходство машины с непопулярной тварью не помешало этим автомобилям, изготовленным народом, который мы победили, стать символом вседозволенности и склонности её обладателя к аферистичным махинациям с государственным достоянием. Я стою, смотрю – мне интересно, что случилось, зачем сюда «Скорая» едет и почему у санитара пистолет? За воротами перед входом в то самое кубическое здание «Скорая» спокойно так, медленно останавливается. Выходит из неё мужчина в белом, сразу видно, не доктор, по замашкам – человек деловой и не всегда склон-

ный к компромиссам. И не спеша направляется к двери ку-ба. До меня дошло, в чём дело, стою, громко посмеиваюсь. Он услышал мою реакцию и заинтересованно обернулся.

– Что вас так радует, родной? – с улыбкой на лице спрашивает. Его, наверное, удивило – стоит парень на роликах, над ним смеётся.

– Круто придумано, в Москве пробки дикие, пришёл в парк

«Скорой», купил себе одну, всё официально, и едешь теперь с мигалками. Гаишники вообще, наверное, не трогают, и все вокруг пропускают без очереди. Мне нравится ваше решение, – ответил я. Меня поразила простота решения вопроса. Я сам гоняю на машине, и раньше прикидывал, как это так ездить можно, чтобы все пропускали и ГАИ не останавливало. – На самом деле всё просто, если можешь себе позволить. Можно ещё номера с триколором или посольские, красные, повесить, – подкинул я вариант.

– Соображаешь, далеко пойдёшь. Ещё можно синие, милицейские, – научил он.

– Я знаю, мама писала. Ты, вообще, кто такой? – развязно спросил я.

– Я – Бэтмэн. А ты чем занимаешься, сообразительный такой? Мне как раз сообразительные нужны, – сказал Бэтмэн в белом. Поговорить ему что ли было не с кем? А мне самому уже интересно. Отвечаю:

– На белом свете живу.

– Все мы в той или иной степени это делаем. Заниматься-то чем собираешься? – между прочим поинтересовался он.

– Хочу поработать с бумагой, если получится. Применить на практике, так сказать, полученное государственное образование, – сыронизировал я для себя самого.

Было видно, как удивил его мой ответ. Подходит ближе. Из «Скорой» с левой стороны выходит шофёр, с правой – санитар, который мне грозил, но он охранник оказался, сразу видно – защитник, здоровый такой, самое смешное – эти оба в халатах белых. Санитары общества – медбратки такие. Я ещё подумал: медбратки чего, интересно? Санитары, по ходу, напряглись. Их лица приняли выражение готовности исполнить в любой подходящий момент своё предназначение, надо же зарплату от- рабатывать. Видно, не часто их шеф на улице с парнями на роликах разговаривает и подходит к ним близко.

– Приемлемый ход мыслей. К бумаге я имею отношение, – поведал мне Бэтмэн из скорой. – Зовут-то тебя как, родной?

– А Четыре, – как обычно ответил я. Услышав это, он посмотрел на меня внимательно. Очень внимательно. Думаю, внимательнее, чем смотрели на меня раньше другие, когда слышали, как меня зовут. Он не стал шутить как обычно: «Так это формат такой», или «А – это имя, что ли?»

– Зайди ко мне завтра в этот офис, часиков в девять. Может, чего-то придумаем с тобой, – неожиданно, с ходу пред-

ложил он.

— В каких девять? У меня утро в тринадцать ноль-ноль начи- нается, — поделился я стилем жизни и графиком сна, — я сплю много.

— Ты сам решай, прикинь, что к чему, хочешь — спи до три- надцати, хочешь — зайди в девять, — предложил он свободу принять решение, развернулся и пошел.

Мой жизненный суточный цикл никогда не совпадал с су- точным циклом Земли. Я всегда сплю — сколько хочу, засы- паю — когда хочу, а не когда ночь или когда надо, оттого, что завтра рано вставать. Я про это только слышал, что гражда- не рано встают на работу. У меня свой стиль жизни. И он такой не потому, что работы нет. А потому, что работать мне не обязательно, и потому, что у меня график такой, что ни- какая работа в него не впишется. Ос- таётся только путеше- ствовать и созерцать.

Естественно, я совершил подвиг, встал в 8.30, в 9.00 был возле ворот, впустивших через себя «Скорую», в которой ез- дит человек, назвавшийся Бэтмэном.

Так наступил день первый.

Управление Стандартом

Офис представлял собой тот самый стеклянный куб, поразивший меня вчера. Стёкла имели зеркальную поверхность, каждое из них содержало по периметру коллаж, составленный по мотивам фольклора центрально-африканских плебейских племён, североамериканских индейцев и центрально-мексиканских племён майя. Странный получился орнамент, притягательный. Рядом с этим зданием находилась стоянка машин, причём одни из них были для перемещения, как я понял, другие – редкие, для утешения самолюбия, не все могли позволить себе подобные, в смысле финансовом и в смысле понимания. Окружающий всё это забор, синего цвета, был произведением искусства. Именно он привлёк моё внимание в первый раз. Он состоял из сплетения стилизованных букв нескольких алфавитов. Мне рассказывали про глаза ремесленников, когда им приносили эскизы, к которым они не были готовы морально. В тот раз это были глаза кузнеца, выполнившего данный заказ.

Через ворота меня пропустил вчерашний секьюрити, теперь без халата. Табличка перед входом в куб имела большой размер и говорила мне, входящему: «Управление Стандартом». Мы прошли внутрь. Совсем не оригинальной показалась мне белизна холла, посреди которого сидела милая секретарша, без искусственно созданного пафоса, как это часто

бывает в подобных кон-торах. Рядом с ней стоял вчерашний Бэтмэн в белом. Я был панк-туален, он тоже.

– Ида, подготовьте пропуск нулевого уровня, – сказал он секретарше, и уже ко мне: – Потом тебе объяснят, как и куда его вставлять. Я – Игорь Игоревич.

Ида была из тех, кто имел способность преподносить красоту (свою и вообще красоту) в чистом виде, без примесей, не прибегая к искусству макияжа и комбинирования аксессуаров. Этим искусством владеют немногие, но когда ты таких видишь – сразу понятно: человек фишку сечёт. Она не была симпатичной в традиционном понимании, она не для всеобщего понимания. Её нужно увидеть и понять её красоту, это не на поверхности. Часто наоборот, красота явная, но её не видно или она перегружена всеми теми подчёркиваниями, которые использует неумелая её обладательница. В общем, эта секретарша произвела на меня позитивное впечатление. Я понял её красоту.

Мы с Игорем Игоревичем, оставляя Иду позади (в ней явно было ещё что-то, чего я пока не знал), проследовали по коридору. Коридор держал на своих стенах мой нереализованный проект.

– Давно это здесь? Я носился с таким проектом, хотел сделать выставку, на которой все холсты, как здесь, были бы белыми, – ничего не получилось, – вспомнил я былое. – Галеристы фишку не просекли, обложились все секретаршами – не пройти к телу... Я так понял, у них там своя тусов-

ка. Они выстроились в круг, вплотную друг к другу, и имеют по очереди свои выставки... Любуются друг другом... по кругу. С улицы не зайдёшь, слишком плотно стоят... Что это я о грустном? В общем, мне приятно видеть это – белые холсты... у вас это есть... интересно...

– Занимаясь продажей картин, никто не сделает чего-то раньше, чем это нужно лично им. Ты забегаешь вперед с этим проектом. Ты правильно сказал, что по кругу... ты вне этого круга. Видишь, то, о чём ты думал, уже есть, – потечески успокоил меня Игорь Игоревич. – В чём сила белого холста, по-твоему? – этот вопрос походил на некий тест.

– Я предполагаю, что белый холст – всегда по энергетике гораздо более интересен, чем разрисованный. На разрисованном есть то, что мы видим, а в белом есть всё, что потенциально может быть... в большинстве случаев, творчество – это заполнение пустоты или белизны. Всё человечество использует бумагу, так исторически сложилось, а она белая. И потому белая бумага в себе истину содержит, что её из древесины производят, а дерево, оно из Земли растёт, дождь его питает, а истина в этом всём и заключается, – ответил я давно продуманное и понятное. Лёгкий тест.

– Всё правильно предполагал, но вспомни произведения классиков. Они рисовали на белом, и получалось нечто... великое.

– Я уверен, они знали что-то такое и делали, и это стало классикой. Теперь за это платят миллионы. И сейчас есть та-

кие, которые понимают и делают, но их не покупают, – высказал я. Раньше, я не имел возможности говорить об этом, не с кем было. И вот я вижу того, кто сам об этом заговорил. Мне пока нравится.

– Людям нужна история, они платят не за холст и краски, а за историю, которая стоит за холстом, – озвучил моё понимание Игорь Игоревич. – Сейчас дай любому музыкальному поп-идолу краски в руки или ещё смешнее – намажь ему на любое место, пускай размажет. Поклонники купят. Или кто угодно из народных кумиров чёрточки и кружочки нарисует – тоже возьмут, не за миллионы, конечно, но возьмут. Их забудут через пару лет, после ажиотажа певческого... а классики будут всегда, и стоять будут сколько надо. Вот не отрежь себе Ван Гог ухо, не создай историю, и стоял бы сейчас подешевле.

– Так он помер давно, ему всё равно сейчас, сколько платят за его картины – жил-то он в нищете, – припомнил я ван-гогову историю.

– Ты, вижу, всё правильно понимаешь, поэтому я и взял тебя... и фамилия у тебя правильная, и имя. Знаешь что... для начала позанимаешься в полиграфическом отделе, потом видно будет, – рассудил вслух Игорь Игоревич.

Пройдя по коридору, мы оказались у двери с чёрным квадратиком на месте обычного расположения номеров. Кабинет Игоря Игоревича представлял собой чёрный параллелепипед с красной мебелью и, противоположно коридорным

белым, чёрными картинами, то есть совсем чёрными холстами в чёрном багете. Несмотря на минималистическо-утончённый стиль кабинета, Игорь Игоревич, судя по всему, аскетом не был, он был... как бы это сказать? В общем, я сразу понял, он врубался в фишки. Огромный, я таких ещё не видел, плоский монитор на рабочем столе, был, как и мебель, красным. Он производил новое впечатление. На столе царил хаос или беспорядок, сразу сложно определить... на самом деле я бы назвал это бардаком. Основную роль в этом бардаке играли разбросанные цветные карандаши. Их было штук пятьсот – большой набор в деревянной коробке из красного дерева, пахнут хвоей, у меня были такие. Видимо, до ухода из кабинета Игорь Игоревич их точил. Он их что?.. сам точит? Неужели нет точилки автоматической?.. карандашей же много!

– Мне тоже нравится минимализм, – поделился я сообщением относительно интерьера. – Эта возможность его, редкая, показать тем, чего нет... какую-то невысказанность.

– Да, я так же к этому отношусь. Мне тоже Минимализм нравится, это он сам дизайн разработал, под моим чутким руководством, – сказал обладатель странного офиса и кабинета.

– Минимализм? Сам?.. Как это? – Не уловил я тайный смысл.

– Сам подумай, любую мелочь, предмет или направление в архитектуре и дизайне кто-то первый придумал и сделал.

И таким образом, он, кто придумал, автоматически становится этим чем-то или является этим... и есть это всегда, — запутанно ответил Игорь Игоревич.

— Понятно, — ответил я из вежливости, хотя сразу суть не уловил. — Эти картины у вас... напоминает Малевича, у меня тоже есть работа — чёрный холст, но она имеет название, в отличие от ваших, — у меня появлялось ощущение, что здесь я встречу понимание.

— Какое? — формально спросил Игорь Игоревич.

— «Мои сны», — также формально ответил я.

— Я примерно знаю, что ты ответишь, но всё-таки ответь, хочу подтвердить свои предположения. Что ты говоришь тем, кто спрашивает: «Неужели у тебя такие чёрные сны?»

— Именно так и спрашивают. Отвечаю — на самом деле сны у меня — цветное стерео, но это мои сны.

— Думаю, ты у нас задержишься, если лишнего ничего делать и говорить на стороне не будешь. Займись пока вопросами полиграфии, вникни во всё, потом разберёмся. Сейчас пойдёшь к Семёну, в кабинет с оранжевым квадратом на двери, он растолкует что к чему, — распорядился Игорь Игоревич.

— Хорошо... так вы что, на работу меня берёте? Пропуск, пойдёшь к Семёну, то-сё, пятое-десятое... — уточнил я.

— Там видно будет, А Четыре.

— А каким это, интересно, стандартом вы управляете? — задал я волновавший меня вопрос.

– Ты сейчас про что?

– Как? Ваша же контора, «Управление Стандартом» называется.

– Да, правильно.

– Так, какими стандартами вы управляете? – повторил я. – Килограммами, граммами или, может быть, дециметрами?

– Собственно, никакими конкретно... И в то же время всеми, – у меня сложилось впечатление, что Игорь Игоревич, давно не отвечал на этот вопрос, возможно, никогда. Наверное, именно поэтому он не сразу понял, о чём я.

– Одно племя в Индонезии длину локтями меряет, и не только оно одно. Вы локтями тоже управляете? – попытался сыронизировать я.

– Так в том-то всё и дело, что люди все эти меры длины и веса придумали для условности, – серьёзно ответил Игорь Игоревич. – На самом деле, этого всего нет. Этот стол имеет длину такую, какую он имеет. Неважно, какую именно. Неважно, сколько сантиметров, граммов или локтей он длинны. Важно, что он есть и он имеет длину. Он её имеет! – подчеркнул голосом сказанное Игорь Игоревич. – Это как тот Удав, который в Попугаях длиннее, чем в Слонах. Мерять не обязательно, а люди всё время что-то мерять пытаются. Поэтому и существуют стандарты. Времени тоже не было до тех пор, пока его не начали измерять.

– Значит, вы управляете стандартами стандартов, – сделал я логичное предположение.

– В общем – да, – с сомнением в голосе ответил Игорь Игоревич. – Чтоб ты понял... Если со всех денег ноли убрать или все цифры, то всё сразу встанет на свои места, – в них пропадёт смысл.

– А ваши картины, эти чёрные, что символизируют? – задал я свой вопрос про искусство.

– Это вроде как если написать всё, что написано раньше, и всё, что будет когда-либо написано на бумаге или нарисовано на холстах, – это всё есть в этих чёрных холстах, надо только разглядеть... Эти картины – символ абсолютной полноты.

– Понял. Глубоко. Мне нравится. А когда бардак на рабочем столе, как у вас, – это к чему? У меня тоже всегда бардак, но он правильный, мой. У вас так же?

– Когда на столе бардак, то это значит, что у тебя бардак. Смотря как ты к этому относишься. У меня не бардак, в отличие от тебя, у меня элегантный беспорядок, – пояснил Игорь Игоревич.

– Я всегда замечал, у некоторых деловых людей на рабочем столе всё так правильно, вроде как под линейку лежит. Соблюдается параллельность и перпендикулярность относительно четырёх сторон стола. Всё на своих местах, аккуратно так. Смешно, они, наверное, сидят и выкладывают всё ровненько. Чтобы ровно лежало. Я не понимаю...

– Я тоже таких не понимаю, мне про таких даже рассказывали. Они, может, и делами какими-то занимаются крупны-

ми, но ни на что великое не способны, – предположил Игорь Игоревич. – Они способны только купить что-то и продать подороже. Ну, может, произвести могут что-то такое... но не великое.

– Не великое – это потому, что лежит всё ровненько? – Я попытался уловить связь.

– Да, правильно понимаешь.

– Теперь буду знать, когда увижу порядочек на столе. Таких много, и они везде.

– Да, так уж случилось, их много. Мир такой, – с искренним сожалением вздохнул Игорь Игоревич.

– Вы, наверное, много таких признаков знаете, по которым способности можно определить, – предположил я.

– Да.

– А если нет возможности увидеть рабочий стол, как определить банальность в человеке? – Решил я воспользоваться чужим жизненным опытом.

– Таких признаков очень много, возможно, некоторые ты сам знаешь... вот яркий пример: когда ты видишь, как кто-то ключи крутит на пальце или чётки восточные, или сидят три товарища в баре, пиво выпивают, говорят ни о чём, – всё это и есть банальности и жлобские дела, и обладатели их, соответственно, такие же, – легко поделился Игорь Игоревич.

– Лучше помолчать, чем ни о чём говорить. В некоторой невысказанности смысла гораздо больше, чем в пустых разговорах, – поделился я своим.

– Я же говорил, что сам много признаков знаешь, и наверное, мне что-то новое можешь рассказать. Банально также каждый день на работу ходить, зарплату получать, банально дружить по сексуальному и половому признаку, банально быть банальным... А ещё есть такие люди, которые сидят на корточках. Они долго так могут просидеть. Это первый признак верного пса. Они сами ничего не способны сгенерировать, самое большое – это яблоки на рынке продавать, – привёл странный пример Игорь Игоревич.

– Но часто именно такие могут с преданностью собаки служить своему хозяину и команды выполнять, – развил я мысль.

– Мы говорим на одном языке, ты заметил?

– Да. У меня ещё есть один вопрос, позвольте...

– Позволяю, – с царской интонацией в голосе разрешил Игорь Игоревич.

– Эти карандаши цветные... Вы их сами точите?

– Вообще-то да, – с удивлением ответил он.

– А точилки, что, нет автоматической? Бывают такие... на мясорубки похожи, – показал я, как можно было бы крутить её ручкой.

– Дело не в точилке, а в самом процессе ручного труда. Успокаивает. Точилкой так не получится. – Игорь Игоревич взял незаточенный карандаш и странного вида ножичек. Сел за стол и показал, как он это делает. Медленно, аккуратно и ровно он заточил карандаш. Стружки, отрываясь от мате-

ринского монолита карандаша, предоставленные сами себе и заданному направлению, разлетелись по кабинету, опускаясь на пол по только им ведомым правилам гравитации и аэродинамики. Часть из них упала на стол. Тот, по чьему велению это произошло, небрежным жестом смахнул их на пол, понюхал заточенное место, подумал о своём и положил карандаш в коробку к заточенным ранее. – Этот процесс успокаивает... – пояснил он после паузы, отпив минеральной воды из уменьшенной бутылочки.

– А что это за ножичек такой смешной? – задал я внеочередной, но закономерный вполне, вопрос. Нож представлял собой странноватое и не виденное мной ранее заточенное изделие, изогнутое в виде серпа, на манер буквы «С» из кириллицы, но это если говорить о его лезвии. Случись на допросе у англичан мне описывать его вместе с ручкой, я бы сравнил его с буквой «G» из их алфавита.

– Это нож Чингис Хана – по преданию, он родился с этим ножом в руках, – преспокойно ответил Игорь Игоревич. Такие вещи, как мне казалось, говорят эмоционально, но, видимо, не здесь.

– Как это может быть? – удивился я.

– Ещё не то может быть. Это предание такое...

– И вы верите в это? – удивился я в очередной, не первый раз, за сегодня.

– В общем да, я ещё не в то верю, – расплывчато ответил Игорь Игоревич.

– А откуда он мог взяться... там... как можно нож родить? Как вообще можно было этого Мамай с ножом родить? Это как?

– Мамай как раз без ножа родился, а Чингис Хан с этим ножом, – поправил меня Игорь Игоревич. – В это верить не обязательно, дело в том, что он действительно с ножом родился... можно и не верить, но это факт. Чингис Хан родился и сделал то, что сделал, – Игорь Игоревич поднял к глазам нож, играя лучом света на изогнутом лезвии. – Он не тупится никогда.

– Я осмелюсь предположить. По-моему, так не бывает, – неуверенно сказал я.

– Если что-либо нельзя объяснить, это не значит, что это фантазия или просто предание... Я точно знаю, что его мать этот нож вместе с ним родила, порезалась правда, но родила. Не родился бы Чингис Хан, если бы не этот нож. Роды тяжёлые были, а кесарево сечение тогда ещё не делали. Нож сделал, и ребёнок выжил. И стал сильным и великим, – Игорь Игоревич говорил, и не оставалось сомнений, что он точно это знает, как будто был рядом в тот момент. – Тебе пора к Семёну.

На этом мы расстались. Мне нужно было пройти в кабинет Семёна, с оранжевым квадратом на двери. Выходя, хотелось осторожно закрыть за собой дверь, не хлопнув ею, из уважения к этому человеку. Очень ярким было первое впечатление – уверенный в себе, понимающий, знающий, что де-

лать и как, человек. Я не видел таких ранее. Таково было моё ощущение в тот момент.

Пройдя немного вперёд, справа по коридору я увидел дверь с нужным квадратом. Остальные кабинеты имели другие, пока не понятные мне символы.

∞

— Мама, почитай мне книжку, пожалуйста.

— ...Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия...

...Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною. Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моём, как и Я победил и сел со Отцем Моим на престоле его. Имеющий ухо да слышит, что дух говорит...

...И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырёх животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нём всадник имеющий меру в руке своей и острый серп, и был дан ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить...

...Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и ворот его и стены его. Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий; длина и широта и высота его равны. И стену его измерил во сто

сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела. Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу...

– Стоп!!!

∞

Знаковый Семён

Стены кабинета были покрыты множеством цветных геометрических фигур с преобладанием, конечно же, квадратов разных размеров (видать, любят здесь на них смотреть), при ближайшем рассмотрении выяснилось – в середине каждого из них находился непонятный знак наподобие иероглифа, но не иероглиф – это точно. Семён – длинноволосый блондин, с утончёнными чертами лица, за исключением губ. Его можно назвать губошлёпом. Такие губы нравятся чувственным женщинам, которые сразу представляют себе обладателя этой черты лица в постели... а более непосредственные и склонные фантазировать женщины представляют всё возможное действие на пустынном тропическом пляже белого песка, чуть тронутого нескромным жёлтым рассветом, который тоже пришёл поваляться у воды. На стильном поясе у Семёна висела небольшая плоская сумочка – последний выкрик моды. Из-под майки, на руках и на шее, выглядывала витиеватая татуировка красного цвета. Странноватый узорчик... я таких стилей тату не видел никогда. Он сидел за экраном монитора, на котором были голубые и синие квадраты, часть из них содержала в себе знаки, похожие на настенные. В кабинете также находился округлых форм молодой человек, во всём выдержанном в стиле семидесятых и в очках-каплях, которые имели разные стёкла – красное

и синее. Впоследствии я узнал, что это Дмитрий, который логотипы рисует правильные, а неправильные он рисовать не умеет. Дмитрий собрал бумаги со стола и вышел, моргнув мне странно и как-то заговорщически, через красное стекло. Мой приход остался не замеченным Семёном, как мне показалось.

– Если ты Семён – то мне к тебе, Игорь направил вникать, – объявил я.

– Послушай, А Четыре, я в курсе, а Игорь для тебя никакой не Игорь – для нас с тобой он Игорь Игоревич. Садись, вникай. Я тебя здесь учить буду ложку держать в правой руке и бантики на шнурках завязывать правильно. Что ты знаешь про полиграфию? – с ходу схамил мне Семён. Я расценил это как потенциальный конфликт.

– Общие понятия, полиграфия... краска, печать, бумага...

– Так вот, забудь про полиграфические понятия. Никогда не учат тому, что нужно знать на самом деле. Спроси у любого препода, как энергетически при помощи полиграфии, вербально воздействовать на потенциального зрителя, – он от такого вопроса офигеет. Никто никогда не скажет правду, да и знают её процентов... нет такого процента, – человека четыре знают... А все препода на вопрос ответят чушь какую-нибудь, в которую сами верят. Именно поэтому во-круг всё то, что ты видишь каждый день, за редким исключением. – Зазвонил телефон, Семён что-то буркнул в труб-

ку и вышел. Некоторое время я оглядывал кабинет. Телефон опять дал о себе знать. Я, совершенно без задней мысли, ответил на звонок традиционным «аллЁ-у», и добавил от себя: «Управление Стандартом слушает». Трубка голосом Семёна отчетливо спросила: «Я просил трогать телефон в моём кабинете?.. Ладно, сейчас в „фотошопе“ открыта картинка, ничего, кроме уменьшения и увеличения, не делай. Посмотри на неё, подумай, там внутри значки мои, – пятый ты наш». Семён произвёл на меня впечатление человека, склонного к конфликту и не всегда – к компромиссам. Посмотрим, что дальше будет, я конфликты не очень люблю... могу и в морду дать, если что...

Я стал уменьшать компьютерное изображение, постепенно квадратики сложились в плавно перетекающие друг в друга цвета. С монитора смотрел чей-то глаз. Уменьшение заняло ещё некоторое время, теперь стало ясно – в «фотошопе» изображение смазливой парня, одетого в светлые одежды, и с носками перчатками на ногах. Рекламный текст предлагал заморозить любого желающего после смерти, в надежде на воскрешение в будущем, когда медицинская технология достигнет фантастических, по сегодняшним меркам, высот.

Вошёл Семён. Хотя это сложно назвать «вошёл». Он пнул дверь и пропрыгал к окну, держа ноги вместе, руки – на уровне груди, со сжатыми пальцами. Так делают дети, когда хотят показать зайчика. Этот вариант зайчика пропрыгал и заорал в открытое окно человеческим голосом:

– О-о-а!!! А-а-а-а! – громко и протяжно.

Эхо, исполняя обязанности, отлетело от напряжённых голосовых связок Семёна и обрушилось на противоположно-стоящий дом, ударившись лицом о стену. Отскочив, громыхнулось затылком о наше здание. Перспектива ещё раз встретиться с домом не прикалывала, Оно улетело в переулок, справа от неожиданного дома, и растворилось. Эхо не любило Семёна, особенно когда он так кричал. Эти его непредсказуемые выходки... Возможно, Семён знал о существовании Эха и делал это специально, чтобы Оно не ослаблялось. Но Эхо есть Эхо, надо исполнять своё предназначение.

В доме напротив, о стену которого Эхо разбило лоб, в маленькой квартире, в средней по достатку семье, жила крыса. В этой же семье рос маленький мальчик, который не интересовался детскими сказками. Он просил маму читать ему, время от времени, взрослую книжку. Мама была добрая женщина, она не грузила сына детскими заморочками, брала в руки взрослую книгу и читала ему открытое наугад место. Сын говорил: «Стоп!», когда ему хотелось прекратить чтение, – это была странная, придуманная им самим игра. Он представлял себе маму воспроизводящим устройством, способным озвучить толстую книгу, которая

имеет в себе много разных, иногда повторяющихся буквочек. По причине своего малолетства, маленький мальчик букв не различал. Он понимал прочитанное по-своему. Ему нравилось врубаться в сказку для взрослых. Мама, читая книгу, пропускала некоторые абзацы и строки, – по её мнению, лишние для восприимчивого сына, и в воображении ребёнка складывалась новая, случайно редактируемая история.

От неожиданности обрушившегося крика крыса выронила из лап сухарик, дёрнулась и ударилась о ножку табуретки. Неспокойно за окном – шумно. Что-то подобное было в девяносто первом и в девяносто третьем... Сначала кричали... Когда кричат громко, и на улице лежат мёртвые солдаты – плохая примета. Что мы знаем про крыс? Они живучие, к ядам привыкают, потом питаются ими. Но эта крыса имела отличия. Есть предположение, что это та самая крыса или родственница той крысы, которую Король предложил судить и миловать Маленькому принцу. Хотя предположение, что родственница, хоть и дальняя, неверно. Я проверял, она оказалась той самой крысой. Она потом сбежала с планеты Короля, ей самой надоело, что она скребётся по ночам и Король это слышит. Тем более он предлагал Маленькому принцу приговаривать её к смертной казни периодически, не важно, что потом миловать. Ей нравилось, что те-

перь её жизнь зависит только от неё самой, а не от того, что её будут судить и миловать, даже если это просто предположение и фантазия капризного Короля. И здесь ей было не так одиноко. Ей нравился мальчик в этой семье. Хотя можно было уже привыкнуть к этим крикам, приходившим из дома напротив, и не дёргаться, роняя сухарик, но крыса знала, что всегда трудно первые сто лет.

– Ну и чего – разобрался? – спокойно спросил Семён, обернувшись ко мне.

– Всё нормально? – спросил я на всякий случай.

– Конечно, нормально, в том-то всё и дело, что нормально. Кураж, пары выпускаю. Смотрел «Зимний вечер в Гаграх», – Семён округлил глаза, принимая некий, не понятный мне образ.

– Да, вспомнил, хороший момент, я сам иногда покрикиваю, но не обязательно так, и не всегда в окно.

– Моментов, вообще, много хороших. Этот Кураж специально для того, чтобы Эхо не расслаблялось, потому что оно вообще... ладно, потом как-нибудь. Разобрался со значками моими? – любопытные отношения сложились у Семёна с Эхом.

– При помощи знаков, которые мы располагаем в определённых местах изображения, можно воздействовать на подсознание потенциального зрителя, как ты выражаешься, –

высказал я своё понимание экзаменатору.

– Не я так выражаюсь, а так и есть на самом деле. Кроме глаз здесь ничего пока не обработано. Как ты думаешь, над чем здесь надо ещё поработать?

– Над точкой, – ответил я, узнав про квадраты. Это было очевидным.

– Сечёшь фишку, правильно Игорь говорил.

– Игорь Игоревич... – поправил я Семёна.

– Пока Игорь не дал ТЕБЕ повод говорить «Игорь», он Игорь Игоревич для ТЕБЯ, – театрально расставил смысловые ударения Семён.

– А, ну-ну... А тебя не обламывает, Семён, что ты вот сидишь здесь, в офисе, перед компьютером, сидишь, а жизнь так мимо и проходит? Ты вроде как офисный человек... робот такой, придаток к компьютеру. Раньше были пещерные люди, а ты из офисных... – без намеренной злобы вспомнил я ему бантики на шнурках и ложку. Назрел реальный конфликт.

– Что-о-о-о? – удивился Семён, для него подобный реверанс с моей стороны был полной неожиданностью, на что, собственно, я и рассчитывал. – Пошёл ты, знаешь куда, с такими выводами? Ты вообще в школе хорошо учился?

– Я вообще не учился никогда, если честно.

– Значит, географию хорошо знаешь? – не уловил моего откровения Семён.

– В общем, да, а что?

– Если я тебя сейчас куда подальше пошлю, ну например нахер, ты найдёшь, где это? – в категоричной форме поставил он вопрос.

– Да пошёл ты нахер сам. Долбоёб. И вообще, не дёргайся при мне, меня это раздражать начинает, – спокойно сказал я новому коллеге. Мой жизненный опыт говорил мне о том, что если первоначальное общение начинается с конфликта, то потом всё будет нормально.

– Офисный робот – это тот, кто картинки рисует на рабочем компьютере, а я знаки в изображения вставляю, и я один, кто это делает правильно! – прокричал мне в лицо Семён, подёргиваясь всем телом.

– Расслабься. Я иронизирую... в некотором смысле, – попытался я разрядить обстановку.

– Да-а... так вот сидишь здесь, хочешь всё сделать лучше, и думаешь про себя что-то, а придёт такой умник, скажет чё-то такое, послушаешь его, так и обнял бы и поцеловал за правду и раскрытые глаза на всё... робот... надо же, – так же резко, как и вспылil, успокоился Семён. Он прошёл мой тест. У парня всё в порядке с головой.

– С точкой понятно, а глаза? – Я попытался дать понять, что в данный момент меня больше интересуют эти фишки со знаками в изображениях.

– Очень важно, когда ты видишь человека в первый раз, его глаза, взгляд. Здесь он смотрит прямо, это основное, – спокойно, как ни в чём не бывало, продолжил Семён учить

меня завязывать бантики на шнурках. Но теперь уже без ложного пафоса. – Заметь за собой, когда ты смотришь на подобный плакат, первое – глаза. Потом может быть всё остальное, если сработал взгляд. Вообще реклама – это магия, если хочешь. Главное, чтобы рекламе верили.

– А что же это за парень, заморозить всех хочет? В чём его проблема? – спросил я, указывая на монитор.

– Он вообще не знает, чего хочет, как я понял. Вот в чём его основная проблема. Он занимается себе церковным бизнесом. Денег нарубил, по миру поездил. В Америке познакомился с людьми, которые этой заморозкой занимаются. Подумал, что у нас прокатит это. Мы с ним один проект церковный делали, там всё грамотно получилось... он предложил помочь ему с этой заморозкой. Вот помогаем...

– Что-то кидает его странно – то религия, то жизнь после смерти. Он вообще верующий?

– Слушай, если захочешь, сам поговори с ним на эту тему. Мне вообще по фигу его вера, – отмахнулся от вопроса Семён.

Когда Семён посадил меня за свой компьютер, я сразу обратил внимание на расположение команд и функций в программе – всё как-то иначе.

– Что это у тебя «фотошоп» такой. Что-то в нём не так. Семён удивился вопросу, принял заранее усталый вид.

И дальше некоторое время говорил со мной, как с ребёнком, объясняя следующее:

– Как раз у нас «фотошоп» как надо. У нас он такой, какой он есть на самом деле. На рынок выпустили ту версию, которой пользуется весь Мир, и правильно, пускай Мир думает, что у них он такой как надо. Таких версий, как эта, всего две, у самого Фотошопа и у нас.

– Секундочку, «фотошоп» делает студия, там сидят специально обученные люди, их много, они много работают над ним, обновляют периодически.

– Это версия, Четвёртый, – ты пятый, кто в курсе.

– Фотошоп он один, что ли? Ты его знаешь? – У меня было смешанное чувство об услышанном.

– Да, он один, и я его знаю. Может, скоро подъедет к нам – увидишь. Забавный в некотором смысле парень – оригинал.

– Что значит оригинал? В чём? – заинтересовался я.

– До фига вопросов, не запаривай! Увидишь его – всё поймёшь.

– От твоей информации, у меня сейчас переосмысление, переоценка, если хочешь, – я понимал, что такой ответ позволит Семёну продолжить тему, – скажи, в чём оригинал?

– Фотошоп оригинал в том, что он и есть Фотошоп. Он, типа, гений. Да, программа, да, пользуется весь мир, да, революция в графике, – и это всё он один. Он – Фотошоп! Заметь, написал программу, не имея компьютера, – на бумаге, – рассказал совершеннейшую новость для меня Семён.

– Разве так может быть? На бумаге? Любой человек, который сталкивался с программированием или написанием

программ, тебе скажет, что этого быть не может. По меньшей мере, нужно хоть какое-то железо.

– Этот... может. Посмотри, вот доказательство, – указал Семён на монитор с Фотошопом. – Любую готовую программу можно представить в виде знаков и перенести на бумагу. Он сделал наоборот. Когда он там, у себя, в Силиконовую долину пришёл с папочкой, его не поняли, послали куда подальше, даже не посмотрели. Мы узнали всё, пригтели парня.

– Ну и дела тут у вас. Интересно – Windows кто? Его-то сделали по-честному? – задал я новый вопрос.

– Что значит по-честному? Если Фотошоп написал свою программу сам – это значит не по-честному?

– Я имею в виду, Windows написала команда? Билл Гейтс имеет к нему отношение или он погулять вышел?

– Windows сделали традиционно, как ты привык. Нормально всё, хотя есть подобные программы покруче во много раз, но именно его внедрили. Пользователи всё понимают, поэтому на него и наезжают все кому не лень, но противостоять невозможно уже. Загляни в сеть – как только Гейтса не склоняют, чатов столько... В то же время продолжают пользоваться – деваться некуда. Всё потому, что мы с Гейтсом по-умному поступили.

– По-умному это как? – не понял я.

– У тебя допуск какого уровня? – строго спросил Семён.

– Обещали нулевого...

– Когда получишь первый уровень, задашь этот вопрос, если он тебя к тому времени тревожить будет, – посоветовал Семён. – Давай лучше проедемся, чтобы ты вникал последовательно.

Мы вышли во двор, там за машинами стояли два дорожных скутера.

– Разберёшься с коником? – между прочим осведомился Семён, надевая шлем.

– Слышал про тех, которые сначала на мопедах, а потом ходить? Я из них, – сообщил я.

Семён, усмехнувшись, оценил ответ.

∞

– Мама, почитай мне книжку.

– ...Впрочем, у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны...

...Шестый Ангел громко вострубил и я услышал один голос от четырёх рогов золотого жертвенника, стоящего перед Богом...

...И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нём; Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: «на кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нём, Тот есть крестящий Духом Святым»; И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий. На другой день опять стоял

Иоанн и двое учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий...

– Стоп!

∞

Проехав по улице, мы остановились напротив известного всем плаката. На нас смотрела девушка-женщина – непонятно. Она в голубоватых оттенках вся. Белый фон. Чёрная надпись: «Я тебя люблю...» Таких бигбордов по городу висело на каждом шагу, я ещё думал раньше – сколько денег-то у людей!.. и чего она от него хочет?

– Вот смотри, она хотела его или что-то от него, я не вникал, – сказал Семён, махнув в сторону плаката. – Она к нему очень хорошо относится, насколько я в курсе. В общем, она своё место занимает – не лезет, куда не надо. Хорошая. Её понимающие к нам направили, она рассказала, что к чему. Мы помогли. Теперь всё нормально.

– Так это ты делал?.. Я слышал, это частный заказ. Ещё говорили – социальный плакат, будто хорошо, когда ты любишь и тебя любят, или что там у них. У меня всё время было чувство, что за этим что-то стоит, за этим троеточием... там что-то такое, о чём знают только она и он.

– Теперь скажи, почему у них стало всё нормально? – спросил Семён.

– Обработали, как надо, взгляд и точки. Хотя взгляд не обязательно, они же знакомы. Остаются точки. Да, наверное, знаки бывают разные – в зависимости от задачи. Ими

и обработали!

– Быстро схватываешь, у меня неделя ушла на переосмысление, как ты говоришь. Уважаю понятливых, – похвалил Семён. Впоследствии он разговаривал со мной в несколько ином тоне, нежели когда мы встретились впервые. Может, Игорь Игоревич что-то сказал или Семён сам понял. Хотя, что про меня можно понять за такое время? Я видел таких, кто на лету, даже опережая, получше меня ловил. Это как раз те, кто кидает государства... Только где они сейчас?

– Я смотрю, этих знаков не видно на плакате, но я знаю, что они есть. При печати чёрное печатается как чёрное, без знаков. Вот она, точка. Как они работают? — уточнил я у Семёна.

– Как надо работают. Их и не должно быть видно – главное, что они есть. Мы сделали изображение. Принесли в типографию, одни ребята напечатали, другие повесили – всё работает. Если ты о чём-то не знаешь, – это не значит, что этого нет. В большинстве случаев вообще не важно, с какой типографией работать. Мы задачу поставили – они сделали. Всё, – просто объяснил Семён.

– Мы с тобой говорим всё время: знаки, знаки. Они же не просто так, как их правильно называть? – поинтересовался я, всматриваясь в подкачанные губы на бигборде.

– Знаки. Нужно приучить себя вещи называть своими именами, – научил Семён. – Конечно, можно придумать что-то умное, но если они знаки, то они и есть знаки. Был до меня

Семён Франкович, который всё это придумал, он так и объяснил, что они знаки. Он же мог как угодно назвать. Классный мужик, такие вещи генерировал... Вот, например, цитирую: «Знак – это проявление вечного и подлинного во временном, окружающий нас мир – это просто видимость, эмблема подлинности. Про эти знаки нельзя сказать ни того, что они существуют, ни того, что они не существуют. Знаки способны работать только с подсознанием, и это действует тогда, когда подсознание преступило все пределы ограничений. Знаковость – это причинность из абсолютной свободы». Понял?

– Он тоже Семён?

– Это я – тоже. Первичен он, – пояснил Семён, указав пальцем куда-то за спину, вероятно, подразумевая Семёна Франковича.

– Это случайно или закономерность какая-то существует... в именах?

– Что значит закономерность? Имя есть имя. Я – Семён. Я сейчас здесь этим занимаюсь потому, что он Семён, а Несемён этим заниматься не может. Вот ты А Четыре, заметь, не А1 и не А2... и А3 тебя никто не называет, правильно?

– Правильно, не хватало, – возмутился я.

– Вот и хорошо, и занимайся своими делами, а я буду квадраты рисовать. Всё на своих местах должно быть.

Семён предложил проехаться по центральной улице, рассмотреть наглядные примеры и «перекусить в милой кафеш-

ке заодно», как он выразился. Мы уже подъезжали куда нам надо, свернули и проехали, срезая дорогу, под знаком, запрещающим движение. Нас остановил гаишник, хотя такие skutера они вообще не трогают. Этот мент какой-то мудака оказался. Он был весь в пыли, курил дешёвые сигареты. На кителе, на уровне груди виднелись жирные пятна. Ботинки грязные. В общем мент – реальное чмо. Семён потом сказал: «Они все такие, даже если чистые. Нормальный человек на такую работу никогда не пойдёт». Мы спокойно могли бы проехать мимо, но Семён остановился, повинувшись отмашке жезла. Гаишник решил, что имеет дело с тинэйджерами, повёл себя неправильно. Конечно, мы молодо выглядим, но не до такой же степени... Развязно подошёл к нам, не представился, обратился на «ты». Семён не любил, когда у людей грязные ботинки.

– Ты што, знака не видишь? Куда едешь? – спросил мент у ехавшего впереди Семёна. Преисполненный властью, буквой закона и иллюзиями по поводу своей значимости, гаишник помахивал полосатой палкой.

– Как бы тебе объяснить, мусор? Я знаю, куда я еду. Ещё я знаю номер телефона твоего непосредственного начальника, полковника Тимофеева, это тот, к кому ты задом вперёд в кабинет заходишь. Помнишь такого? Ты щас неправ по всем понятиям. Пуговица расстёгнута, портупья у тебя висит, обратился не по форме, – мусор слушал и охуевал. – По этому грёбаному городу я езжу так, как я хочу. Ты понял? – наехал

Семён.

–? – промолчал гаишник, хватаясь за рацию.

– И вот я еду себе, еду, – продолжил Семён. – А тут ты – говно на дороге. И я вынужден сейчас тратить на тебя своё время – говорить с тобой. Знаешь, чем мы отличаемся друг от друга? Знаешь, в чём разница между нами?

–? – промолчал гаишник, размышляя, говорить что-то в шипящую рацию или нет.

– Разница между нами в том, что ты стоишь здесь, на дороге, дышишь этим воздухом выхлопным, и думаешь о том, как бы кто нарушил правила, ты его остановишь, и он тебе денег даст. Ты их положишь в карман и будешь ждать следующего нарушителя. Так твоя жизнь и проходит. А я еду по своему городу и думаю, какое вокруг дерьмо, и как можно этот Мир спасти от этого всего... Вот такая между нами разница. И вот я об этом думаю, а ты меня останавливаешь. Понимаешь? То, что я тебе сейчас говорю, тебе никто другой никогда не скажет. Ты над этим подумай... Как ты живёшь и о чём думаешь. Я сейчас уеду, а ты будешь стоять и думать над тем, что я тебе сказал. А если ты сейчас хоть одно слово мне против скажешь, то завтра тебя здесь стоять уже не будет. Я даже хочу, чтобы ты щас что-то против мне сказал, ты мне вообще чего-то не нравишься.

–, – молча согласился перепуганный инспектор, оставивший рацию в покое. Его полосатая палка перестала

болтаться и жалко висела.

Семён махнул мне рукой, мы поехали дальше. Лихо он обломал этого гаишника. Ментовской проповедник направился в известное ему место, по пути комментируя.

– Интересно, что от чего произошло... слово «доку-менты» от ментов или менты от «доку-ментов». Или вот ещё слово: «менталитет»... Менты, наверное, так зовутся оттого, что у них менталитет такой особый, документы спрашивать, – рассудил Семён, видимо, пришло к нему какое-то филологическое настроение, навеянное диалогом с представителем власти. – Ты бы пошёл в менты? – неожиданно спросил Семён.

– Ты что? Я бы лучше в криминал пошёл. Там у них порядка побольше будет, и понятия правильнее... А что это за полковник Тимофеев, о котором ты мусору говорил?

– Это один человек есть... он наделал себе служебных визиток высших ментовских чинов и продаёт... Если гаишник остановит, и у тебя такая визитка есть, ты её достаёшь и демонстративно начинаешь звонить по якобы личному мобильнику этого начальника ГАИ. Трубку там кто-то поднимает, ты говоришь, что, мол, эти ваши мусора совсем оборзели, не дают нормальным людям ездить спокойно и телефон гаишнику передаёшь. Он трубку берёт, и очко у него уже играет, а тот голос в телефоне начинает орать на него... Гаишник извиняется перед тобой и отпускает... – рассказал Семён о своём опыте общения с ГАИ.

– А кто это по телефону говорит с инспектором?

– А это неважно кто... Никто... Может, и правда полковник, а, может, сам этот... кто визитки продаёт. Он ещё иногда пишет на обороте: «Проезд всюду! Не трогать. Тимофеев». И это вроде как разрешение на вседозволенность на дороге.

– Интересно... а вдруг снимут с работы этого Тимофеева? Визитку можно выбросить, так?

– Голос из телефона новые напечатает, у него гарантия пять лет. Эти люди ущербные получают должность, стоят на дороге в грязной обуви и думают, что им можно хамить мне. Так часто бывает... в разных ситуациях по-разному. Вспомни такой момент, он в жизни каждого бывает не раз. Когда видишь человека в первый раз, то вырабатываешь определённый стиль общения. Первую секунду вы смотрите друг другу в глаза, оцениваете друг друга. Ты знаешь, что у него есть жизненный опыт и определённая мораль, как и у тебя, и он это знает. За долю секунды избирается некая тактика и стиль общения. Если ты увереннее в себе, убедительнее в аргументах, ты выше его морально, если нет, то он. Всё правильно. Но иногда такие уроды ущербные попадают, которые знают про себя, что они, реально, никто, но прячут это глубоко внутри от себя самого и от других за полученной должностью или ментовским удостоверением. Они думают, что могут избрать стиль общения со мной свысока. Смотрит мне в глаза, понимает, что сам ноль, но хамит

с высоты придуманной. Я таких опускаю на месте. Иногда так приходится опускать, что они себя потом ищут и не находят... пропадают люди за хамство. За базар надо отвечать. Иногда такая лажа в клубах на фэйсконтроле была, когда я по всяким клубам тусовался. Я знаю, что я нормальный, но эти охранники, реально чмошники. Может, у них проблема какая-то или им жена не дала, и они начинают выпендриваться перед посетителями... Стоит на входе, чувствует себя чем-то значительным. Может пустить, может не пустить. Меня один раз перепутали с кем-то и вывели из клуба без объяснения причин. Охрана неправильно себя повела со мной, некрасиво и некорректно... я вызвал ребят правильных, они приехали со своими автоматами – всех охранников раком поставили. Только тогда охрана поняла, что неправильно поступила со мной... О, такое тоже было, когда государство на Мост-Банк первый раз наехало. Там охранники у Мост-Банка все такие в галстуках, тоже строят из себя, типа, работа такая не пускать и проверять. А тут понаехали мусора отмороженные, всех мордой в грязь. Потом я сидел смеялся, когда по телеку показывали этих охранников, стоят такие жалкие: нас побили – мордой в снег. Не надо было в охрану идти! Правильно всё! Если чем-то заниматься начинаешь, надо сразу предполагать к чему это может привести... и быть готовым к этому.

Вырулив из переулка, мы проехали под очередным кирпичом, между ограждением, попав сразу на пешеходную зо-

ну Арбата. Снизив скорость до пешеходной, Семён продолжил свои рассуждения на тему представителей закона.

– Мы говорим про них: мусор, мусор... а если разобраться, откуда он берётся? А вот он, – указал Семён на кучу мусора, состоящего из обёрток и пустых банок, сметённого дворником в кучу посреди улицы. – Мы его выбрасываем на улицах в мусорные баки или дома в мусоропровод. Потом его куда-то там увозят. И где он оказывается?

– На свалках? – предположил я, не понимая к чему клонит Семён.

– Я скажу тебе... Он перерождается, вырастает, ходит в среднюю школу, потом поступает в милицейскую, там ему форму дают, и он учится, как правильно быть милиционером, потом он семью заводит, и всё это время он думает, что он человек... Когда он отучится, ему дают резиновую палку или полосатую, и САМОЕ ГЛАВНОЕ, – выделил интонацией Семён, – право доёбываться до людей! Причём именно до тех, которые налоги государству платят, и таким образом содержат его самого, и его семью... Но он этого не понимает, он думает, что он борется с преступностью. В тот момент, когда нововыведенный милиционер доёбывается в первый раз до законопослушных граждан, он, сам того не осознавая, становится мусором автоматически! – выстроил цепочку Семён.

В этот момент, цокая копытами, к нам навстречу бежал зелёный милиционер или мусор, непонятно с первого взгля-

да. Судя по полосатой палке в руках, это был, предположительно, автоинспектор. Но я сразу понял, что ошибся, когда он заговорил:

– Вы што? Знакав ни видели? Доку-менты придьявити!
Здесь пишыходная зона!

– Пшол вон, мусор!!! – крикнул ему Семён, проезжая мимо.

Мусор сразу обломался, и мы спокойно поехали дальше.

– Мы в этой стране до тех пор мусоров мусорами называть будем, – продолжил прерванный Семён, – пока они реально мусорами оставаться будут, с мусорскими мозгами. Пока сам мусор не изменит себя, пока он будет оставаться собой, мы ничего с ним поделать не сможем. Проблема в том, что мусор сам хочет таким оставаться и не хочет быть ни чем другим. Нужно быть справедливым по всем понятиям, а не заниматься диктатурой закона. Закон тоже люди пишут, а они ошибаться могут.

Мы приблизились к большому рекламному бигборду, который затмил собой один из многих арбатских памятников зодчества. Так новое доходное направление человеческой мысли и деятельности очень легко и буднично может опустить гений умершего в прошлом веке архитектора, который жизнь свою положил, пробивая свой проект. Семён посмотрел на изображение и сказал:

– Вот смотри – образец ярковыраженной ублюдочности в рекламном искусстве. Так делать нельзя... это не искус-

ство. Лох какой-то делал для лоха – заказчика. Чё продают, непонятно, то ли девку эту, то ли окна. Для них главное любовницу свою напечатать, написать «Окна, пластиковые, то, сё... купи окна мои», окна ладно, девка тут причём? Не понимают они этого. Девяносто четыре с половиной процента всех плакатов и реклам с модельками – бездарны, для рекламодателя это повод познакомиться с одной из них. Вообще, с девками отдельная история, думают, напечатают её и всё – и не важно: двери, супермаркет, колбасу продают... Сплошь и рядом в рекламе девки эти смазливые, а причём товар, рядом с которыми они стоят, я так и не понимаю до сих пор. У моделей этих, так называемых, на лбу написано: «Я дура конченная, даю хозяину этой колбасы, ничего больше меня не интересует, кроме его денег, и на колбасу эту мне плевать, и на него мне плевать, но пока содержит, – буду делать всё, что скажет, так как работать и думать ни о чём не хочу, не могу и не умею». Бывают нормальные, но редко. И на выставках разных и на презентациях, особенно на презентациях новых автомобилей, нагонят этих дур смазливых и думают, что машина от этого лучше, так получается... И стоят эти модели, так называемые, возле машины или на подиуме, и на лице у них такое блаженство и радость от окружающего происходящего. Она, бедолажечка, не способна понять убогости своей мебельной и вешалочной в тот момент.

– Я примерно так и думал, но сформулировать не мог. Хотя, по-моему, ты слишком категоричен, – предположил я.

– Так есть на самом деле. Они в принципе продажные, – высказал своё мнение Семён. – У них профессия такая – продавать себя... своё тело... для фото или подиума. Может, в голове ничего, но её покупать будут. В агентство портной приходит, ему показывают тёлочек, он кастингует их по своему вкусу, чтоб талия была, чтоб грудь стояла... Он не спрашивает: «А что ты думаешь вообще про этот весь модельный бизнес?» – он не спрашивает про Канта. Ему это нафиг? Он спрашивает: «Сможешь пройти так, чтоб грудь при ходьбе колыхалась?» Она говорит:

«А я по-другому не умею». А потом на дефиле она пройдёт длинными ногами, вешалкой поработает, грудь колыхнется, – и всё нормально... Деньги возьмёт и пойдёт покупать себе йогурт и мюсли, чтоб талия была...

– Правильно, зачем ей про Канта знать? Она же не мозг продаёт, а тело.

– Так я об этом и говорю – незачем ей... Такая стремится личную жизнь устроить за счёт своего тела, она сильно отличается от той, которая своё будущее устраивает за счёт личной головы... Вот щас много тёлок за рулём... процентов девяносто из них ездят на подаренных машинах. Всем понятно, каким местом они их заработали... но ведь она едет с таким видом, что можно подумать, будто у неё отсутствуют все те места... Судя по её лицу, всех этих мест просто нет, она их только головой осознаёт... теоретически. Такой вид у неё, что можно подумать, будто она учёный такой – теоре-

тик тончайшей высшей математики, где все неизвестные иксы и игреки в уравнениях известны только ей. В связи с этим всем лично я совершенно чётко вижу на её лице, что для неё держать член во рту, это то же самое и так же естественно, как для коровы щипать травку на альпийских лугах...

Впереди виднелись телевизионщики, делающие стрит-токи. Заметив нас, особа женского вида и поведения, с микрофоном, направилась к Семёну наперерез.

– А вот а... ещё пара стильных ребят на мопедах таких... скутерах, и мы э-э... сейчас узнаем, что носят с собой... в своих карманах, модная молодёжь. – Она говорила в камеру, оператор качался и поддёргивался, пытаясь создать видеоэффекты. Преградив дорогу и вынудив нас остановиться, ведущая, нарушая все доступные границы личного пространства, ткнула в лицо Семёна микрофоном с логотипом MTV. – Привет, ребята, это программа

«Стилиссимо» с канала эм-ти-ви, мы хотим знать, что э... в ваших карманах и в этой стильной сумочке на поясе у вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.